Герберт Уэллс

Освобожденный мир

Перевод с английского
Т. Озерской

ФТМ

Герберт Уэллс

Освобожденный мир

«ФТМ»
1914

Уэллс Г. Д.

Освобожденный мир / Г. Д. Уэллс — «ФТМ», 1914

ISBN 978-5-4467-3386-6

После изобретения атомного оружия на планете вспыхивает Последняя война. Одно государство за другим бросается в борьбу за мировое господство, стараясь раньше соперников нанести удар. «Зачем уступать, если еще можно уничтожить противника? Сдаваться? В то время, как еще осталась возможность взорвать неприятеля и развеять его прах по ветру?» Европа превращена в руины, столицы охвачены огнем, миллионы людей погибли. Когда разрушения достигают неслыханных размеров, поднимается волна здравомыслия и уцелевшие обитатели планеты объединяются во Всемирную Республику. На обломках старой цивилизации возникает новый, «освобожденный мир», которым отныне правят не деньги, а наука – единственное, что может удержать человечество от хаоса и уничтожения. Роман написан в 1913 году, задолго до изобретения атомной бомбы.

ISBN 978-5-4467-3386-6

© Уэллс Г. Д., 1914
© ФТМ, 1914

Содержание

Прелюдия 6
1 6
2 8
3 11
4 12
5 14
6 15
7 16
8 18
Часть первая 21
1 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Герберт Уэллс
Освобожденный мир

© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2019
© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Прелюдия
Ловцы Солнца

1

История человечества – это история обретения внешней мощи. Человек – это пользующееся орудиями, добывающее огонь животное. Еще в самом начале его земного пути мы видим, что он добавлял к естественной силе и природному оружию животного жар огня и грубые каменные орудия. Благодаря этому он перестал быть обезьяной. С этого момента он быстро пошел вперед. Вскоре он присоединил к своей силе силу лошади и быка, он воспользовался несущей силой воды и увлекающей силой ветра; он ускорял разгорание своего костра, раздувая его, а его простые орудия, обработанные сперва медью, а потом железом, увеличивались в числе, разнообразились и становились все более хитроумными и удобными. Он сохранял тепло с помощью жилищ и облегчал себе передвижение с помощью тропинок и дорог. Он усложнял свои социальные взаимоотношения и увеличивал производительность своего труда путем его разделения. Он начал накапливать знания. Приспособление следовало за приспособлением, и каждое из них помогало человеку производить все больше. Неизменно на протяжении своей все удлиняющейся истории, за исключением периодов, время от времени отбрасывавших его назад, он производит все больше и больше…

Четверть миллиона лет назад самый высокоразвитый человек был дикарем, почти не умевшим мыслить и говорить, укрывавшимся в пещерах среди скал, вооруженным грубо обтесанным кремнем или обожженной на огне палкой, нагим. Люди жили маленькими семейными ордами, и едва мужественность человека начинала угасать, как его убивал кто-нибудь помоложе. Долго и тщетно пришлось бы вам разыскивать человека по обширным диким пространствам земли. Лишь в нескольких речных долинах, расположенных в умеренном поясе и в субтропиках, наткнулись бы вы на жалкие логова его крохотных орд – самец, несколько самок, два-три детеныша.

Тогда он не знал будущего, не знал иной жизни, кроме той, которую вел. Он убегал от пещерного медведя по скалам, сложенным из железной руды, которая сулила меч и копье; он насмерть замерзал на угольном пласте; он пил воду, помутневшую от глины, из которой в грядущем стали изготовлять фарфоровые чашки; он жевал случайно сорванный колос дикой пшеницы и, что-то смутно соображая, поглядывал на птиц, круживших в небе, вне пределов его досягаемости. Или, внезапно почуяв запах другого самца, с рычанием вставал на ноги, и рык этот был нечленораздельным предшественником моральных наставлений. Ибо этот первочеловек был великим индивидуалистом и не терпел себе подобных.

И вот в длинной цепи поколений этот наш грузный предшественник, этот наш всеобщий предок дрался, размножался, погибал, изменяясь почти незаметно.

И все же он изменялся. Тот же острый резец необходимости, который из века в век заострял когти тигра и выточил из неуклюжего орогиппуса быструю, грациозную лошадь, трудился и над ним, как он трудится над ним и по сей день. Наиболее неуклюжие и наиболее тупо злобные среди его собратьев погибали быстрее и чаще; побеждали более ловкая рука, более быстрый глаз, более развитый мозг, более пропорционально сложенное тело; век за веком орудия незаметно совершенствовались, а человек незаметно извлекал все больше пользы из своих возможностей. Он становился более общительным, его орда росла; уже не всякий вожак орды убивал или изгонял своих подрастающих сыновей; система табу позволяла ему терпеть их, а они почитали его, пока он был жив (а вскоре начали почитать его даже и после смерти), и стали его

союзниками в войне с хищными зверями и с остальным человечеством. (Но им запрещалось касаться женщин своего племени, они должны были подстерегать женщин чужого племени и захватывать их силой, и каждый сын избегал своих мачех и прятался от них, опасаясь разбудить ярость Старика. И во всем мире даже и по сей день можно проследить эти древние всеобщее табу. И теперь на смену пещерам пришли шалаши и хижины. Огонь был окончательно приручен, появились шкуры, появилась одежда, и благодаря всему этому двуногое существо распространилось в более холодные области, неся с собой запасы пищи, которую уже научились хранить, и порой забытое в тайнике зерно давало ростки, кладя начало земледелию.

И уже зарождались досуг и мысль.

Человек начинал мыслить. Выпадали времена, когда он был сыт, когда его не тревожили ни похоть, ни страх, когда солнце пригревало его стоянку, и тогда в его глазах зажигались смутные проблески мысли. Он царапал на кости и, уловив идею сходства, начинал стремиться к нему и так создавал искусство живописи; мял в кулаке мягкую теплую глину с берегового откоса, испытывал удовольствие от возникновения изменчивых и повторяющихся форм, лепил из нее первый сосуд и обнаруживал, что она не пропускает воду. Он смотрел на струящийся ручей и старался постичь, какая благодетельная грудь источает эту неиссякающую воду; он, щурясь, смотрел на солнце и мечтал поймать его в ловушку, заколоть копьем, когда оно уйдет в свое логово за дальними холмами. А потом сообщал своему собрату, что один раз ему уже удалось это сделать – ну, не ему, так кому-то еще, – и эта мечта смешивалась с другой почти столь же дерзкой: что когда-то уже удалось загнать мамонта. Так зародилась фантазия, указывая путь к свершению, кладя начало величественной пророческой веренице сказаний.

Десятки, сотни столетий, тысячи тысяч поколений продолжалась эта жизнь наших отцов. Между началом и расцветом этой фазы человеческой жизни, между созданием первого неуклюжего каменного орудия из кремня и первыми орудиями из полированного камня прошло от двух до трех тысяч столетий, сменилось от десяти до пятнадцати тысяч поколений. Так неторопливо – по нашим человеческим меркам – творило себя человечество из смутного звериного сознания. И этот первый проблеск мысли, этот первый рассказ о свершении, этот рассказчик, который, раскрасневшись и блестя глазами под спутанной гривой волос, размахивал руками перед лицом своего изумленного и недоверчивого слушателя и хватал его за локоть, чтобы привлечь внимание к себе, – это было самым великолепным из всех начал, какие только видел наш мир. Оно обрекало мамонтов на гибель, и оно привело к той ловушке, в которую суждено было поймать солнце.

2

Эта мечта была лишь мгновением в жизни человека, которая, как и у всего братства зверей, заключалась как будто лишь в том, чтобы добывать пищу, убивать себе подобных и размножаться. Вокруг, скрытые лишь тончайшей завесой, находились нетронутые источники Силы, чью мощь даже и сегодня мы не можем измерить. Силы, которая могла претворить в действительность любую самую дерзкую мечту. Но хотя человек умирал слепым, не подозревая об этом, его племя уже вступило на путь, который вел к ее покорению.

Наконец на щедрой почве теплых речных долин, где пища была обильна и жизнь легка, человек, все дальше отходя от зверя, преодолел первоначальную вражду к себе подобным, становясь, по мере того как слабели тиски необходимости, все более терпимым, и создал первую общину. Возникло разделение труда, некоторые из стариков становились хранителями знаний и наставниками, самый сильный возглавлял своих собратьев во время войны, и уже жрец и царь начинали приступать к исполнению своих ролей в первых сценах драмы, название которой – история человечества.

Жрец ведал сроками посева и сбора урожая и сохранением плодородия земли, а царь решал, быть ли миру или войне. В сотнях речных долин, лежащих на границе между умеренной и тропической зонами, уже десятки тысяч лет назад строились города и храмы. Их расцвет не был отмечен ни в каких хрониках, они не знали прошлого и не прозревали будущего, ибо искусство письма было еще неизвестно.

Очень, очень медленно начинал человек прибегать к неисчерпаемым богатствам Силы, которая повсюду предлагала ему себя. Он приручил некоторых животных, он превратил свои примитивные, случайные приемы обработки земли в священный ритуал; сперва он научился пользоваться одним металлом, затем – другим, третьим, и вот в дополнение к камню он уже обладал медью, оловом, железом, свинцом, золотом, серебром; он научился обтесывать и обрабатывать дерево, изготовил глиняную посуду, спустился в челноке по своей реке и достиг моря, открыл колесо и проложил первые дороги. Но главным его занятием на протяжении более чем сотни веков было подчинение себя и других все более усложнявшемуся обществу. История человека – это не просто история победы над внешними силами. Это в первую очередь победа над недоверием и злобой, над животным напряженным сосредоточением в самом себе, которые связывали его руки, мешали ему овладеть тем, что принадлежало ему по праву. Обезьяна в нас по-прежнему чурается общения. Начиная с зари века полированного камня и по установление Всемирного Мира человек в основном имел дело с самим собой и своими собратьями: торговал, заключал сделки, вводил законы, умилостивлял, обращал в рабство, побеждал, уничтожал и самое малейшее увеличение своей силы он немедленно обращал и обращает на цели этой сложной, не всегда осознанной борьбы за создание совершенного общества. Последним и величайшим из его инстинктов стало стремление объединить всех своих собратьев в едином, целенаправленном обществе. Еще не закончился последний этап века полированного камня, как человек уже стал политическим животным. Он сделал в себе самом открытия, последствия которых были необозримы, – сперва научившись считать, а потом писать и вести записи, и после этого его селения-общины начали вырастать в государства. В долинах Нила, Евфрата и великих китайских рек зародились первые империи и первые писаные законы. Люди посвящали свою жизнь одному занятию – войне или управлению, становясь воинами и знатью. Позднее, с появлением надежных кораблей, Средиземное море из непреодолимой преграды превратилось в широкую дорогу, и в конце концов из мелких пиратских стычек родилась великая борьба Карфагена и Рима. История Европы – это история побед и распада Римской империи. Каждый монарх в Европе до самого конца монархий рабски подражал Цезарю и называл себя кайзером, или царем, или императором. Если измерять время протяженностью человеческой

жизни, то между первой египетской династией и появлением первого аэроплана прошел колоссальный срок, но если оглянуться на эпоху творцов первых каменных орудий, этот срок покажется историей вчерашнего дня.

В течение этих двадцати тысячелетий, в период воюющих между собой государств, когда человеческие умы были главным образом заняты политикой и взаимной агрессией, покорение внешней Силы шло медленно; быстро по сравнению с древним каменным веком, но чрезвычайно медленно по сравнению с новым веком систематических открытий, в котором живем мы.

Оружие и методы войны, сельское хозяйство, вождение кораблей, сведения о земном шаре, а также домашняя утварь и весь хозяйственный обиход людей изменились сравнительно очень мало со дней первых египтян по тот день, когда родился Христофор Колумб. Разумеется, имели место изобретения, происходили перемены, но наряду с этим прогресс порой обращался вспять: сделанные открытия вновь забывались. В общем, это был несомненный прогресс, но его движение вперед не быль непрерывным. Жизнь крестьян не менялась. В начале этого периода в Египте, Китае, Ассирии и Юго-Восточной Европе уже были священнослужители и судьи, городские ремесленники, земельная знать и правители, врачи, повитухи, солдаты и моряки, и они делали примерно то же и вели почти такую же жизнь, какую они вели в Европе в 1500 году нашей эры. Английские археологи, раскапывая развалины Вавилона и Египта в 1900 году нашей эры, открывали юридические документы, домашние счета и семейную переписку, которые были им привычны и знакомы по собственному опыту. За этот период происходили большие религиозные и этические перемены, империи и республики вытесняли друг друга; Италия поставила обширнейший эксперимент с рабовладением, и надо сказать, что рабовладение испытывалось вновь и вновь, и каждый раз приводило к неудачам, и все же было испробовано и вновь отвергнуто в Новом Свете; христианство и мусульманство уничтожили тысячи более узких культов, но сами по себе они являлись непрерывным приспособлением человечества к определенным материальным условиям, которые тогда, вероятно, представлялись вечными. В этот период человеческий разум не воспринял бы мысли о революционных переменах материальных условий жизни.

Однако и в буднях средневековья среди войн и процессий, строительства замков и строительства соборов, искусства и любви, дипломатических интриг и кровавой вражды, крестовых походов и торговых путешествий все еще жил мечтатель и рассказчик, ожидая своего часа. Он уже не фантазировал с буйной свободой дикаря каменного века: путь ему со всех сторон преграждали авторитетные исчерпывающие объяснения всего сущего. Однако его фантазии зарождались в более развитом мозгу, и, оставляя дела, он созерцал в небе движение звезд и размышлял над монетой или кристаллом, зажатым в руке. И на протяжении всей этой эпохи, как только выпадали минуты досуга, всегда находились люди, которых не удовлетворяла внешность вещей, не удовлетворяли ортодоксальные объяснения, люди, которые томились смутным ощущением того, что окружающий мир состоит из неразгаданных символов, люди, которые сомневались в непререкаемости схоластической мудрости.

На протяжении всех веков истории находились люди, которые ощущали вокруг себя непознанное. И хоть раз услышав его зов, они больше не могли вести-обычную жизнь, не могли удовлетворяться тем, что удовлетворяло их соседей. И чаще всего они верили не только в то, что весь окружающий мир был, так сказать, цветным занавесом, скрывающим неразгаданное, но и в то, что эти скрытые тайны представляли собой Силу. До этого люди обретали силу случайно, но теперь появились эти искатели и принялись искать, искать среди редких, странных и непонятных предметов, порой находя что-нибудь, порой обманывая себя воображаемым открытием, порой сознательно обманывая других. Будничный мир смеялся над этими чудаками или досадовал на них и обходился с ними сурово, или же, охваченный страхом, объявлял их святыми, колдунами и оборотнями, или, подстрекаемый алчностью, угождал им в надежде извлечь из этого выгоду, но чаще всего просто не обращал на них никакого внимания. И все

же в их жилах текла кровь того, кому первому пригрезился побежденный мамонт; все они до одного были его потомками, а искали они, и не подозревая об этом, ловушку, в которую когда-нибудь будет поймано солнце.

3

Таким человеком был некий Леонардо да Винчи, который с рассеянным достоинством служил миланскому герцогу Сфорца. Его записки исполнены пророческой тонкости и удивительного предвосхищения методов первых авиаторов. Таким же был и Дюрер; к этой породе принадлежал и Роджер Бэкон – тот, кого заставили умолкнуть францисканцы. Таким же человеком в более раннюю эпоху был Гиерон Александрийский, знавший о силе пара за тысячу девятьсот лет до того, как она нашла практическое применение. А еще раньше жил Архимед Сиракузский, и еще раньше – легендарный Дедал Кносский. И всюду, на всем протяжении истории, стоило наступить небольшой передышке от войн и зверств, появлялись искатели. И половина алхимиков принадлежала к их племени.

Когда Роджер Бэкон взорвал свою первую горстку пороха, можно было подумать, что люди немедленно используют эту взрывную силу для приведения в действие машин. Но это им и в голову не пришло. Они еще и не начинали подозревать о подобных возможностях, а их металлургия была настолько примитивна, что даже замысли они такие машины, их невозможно было бы изготовить. Ведь они довольно долго были не в состоянии изготовлять достаточно прочные приспособления, которые могли бы выдержать давление этой новой силы, хотя бы при осуществлении такой примитивной цели, как метание снарядов. Их первые пушки представляли собой стянутые обручами деревянные трубы. И миру пришлось ждать более пятисот лет, пока появилась первая машина взрывного действия.

Даже когда искатели находили что-то, требовался очень долгий срок, чтобы мир мог использовать их находку для каких-нибудь иных целей, кроме самых примитивных и самых очевидных. Если человек в целом уже не был абсолютно слеп к окружавшим его непокоренным энергиям, как его палеолитический предок, он все же в лучшем случае был очень близорук.

4

Прежде чем энергия, таившаяся в угле, и сила пара начали оказывать влияние на человеческую жизнь, им очень долго пришлось пробыть на грани открытия.

Без сомнения, при дворах и во дворцах время от времени появлялось много таких игрушек, как изобретение Гиерона, но их тут же забывали, и потребовалось, чтобы уголь стал добываться и сжигаться по соседству с большим количеством железной руды, прежде чем люди сообразили, что это не просто пустая диковинка. И следует отметить, что первое записанное в истории предложение использовать пар было связано с войной: существует трактат времен королевы Елизаветы, в котором предлагается стрелять при помощи закупоренных железных бутылей, наполненных кипящей водой. Добывание угля на топливо, выплавка железа в большем масштабе, чем когда-либо раньше, паровой насос, паровая машина, паровое судно следовали друг за другом в порядке, который отражает определенную логическую необходимость. История пара от ее начала, как фактора в человеческом сознании, до огромных турбин, которые предшествовали использованию внутримолекулярных сил, – это самая интересная и поучительная глава в истории развития человеческого интеллекта. Почти каждый человек, несомненно, видел пар, и на него смотрели в течение многих тысячелетий без всякого любопытства, в частности женщины постоянно нагревали воду, кипятили ее, видели, как она выкипает, видели, как крышки сосудов приплясывают под яростным напором пара; в разные времена миллионы людей, несомненно, наблюдали, как пар выбрасывает из кратера вулкана огромные камни, словно крикетные шары, и превращает пемзу в пыль, и все же можно обыскать с начала и до конца архив человечества – письма, книги, надписи, картины – и не найти даже проблеска догадки о том, что рядом была сила, рядом была мощь, которую можно было подчинить себе и использовать… А затем человек внезапно осознал это; железные дороги сетью опутали земной шар, все увеличивающиеся в размерах железные паровые суда начали свою ошеломительную борьбу против ветра и волн.

Пар был первой из обретенных новых сил, он положил начало Веку Энергии, которому суждено было заключить длинную историю Эпохи Воюющих Государств.

Однако очень долго люди не сознавали всей важности этой новинки. Они не желали признать, они не были способны признать, что произошло нечто решительным образом меняющее привычный уклад жизни, сложившийся еще в незапамятные времена. Они называли паровоз «железным конем» и делали вид, будто произошла простая замена. Паровые машины и фабричное производство прямо на глазах у них революционизировали условия промышленного производства, население постоянно и непрерывно покидало сельские местности и концентрировалось доселе неслыханными массами в немногих больших городах. Пища для них поступала из столь отдаленных мест и в таких масштабах, что один-единственный прецедент – подвоз хлеба в императорский Рим – казался в сравнении незначительной мелочью. Происходила гигантская миграция народов между Европой, Западной Азией и Америкой, но тем не менее никто, казалось, не понимал, что в жизнь человечества вошло нечто новое и что этот водоворот совершенно не похож на предыдущие движения и изменения и напоминает завихрения, которые возникают в шлюзе, когда после долгой фазы накопления воды и ее бездеятельного кружения начинают открываться ворота.

В конце девятнадцатого столетия невозмутимый англичанин, садясь за завтрак, выбирал, будет ли он пить чай с Цейлона или кофе из Бразилии, попробует ли он яичницу из французских яиц с датской ветчиной или съест новозеландскую баранью отбивную, а затем, заканчивая завтрак вест-индским бананом, проглядывал последние телеграммы со всех концов света, изучал курс своих капиталовложений, распределенных географически между Южной Африкой, Японией и Египтом, и сообщал двум детям, которых он зачал (вместо тех восьмерых, которых

зачал его отец), что, по его мнению, мир почти не меняется. Они должны играть в крикет, вовремя подстригать волосы, учиться в старой школе, в которой учился он сам, ненавидеть уроки, которые ненавидел он, вызубрить несколько отрывков из Горация, Вергилия и Гомера на посрамление людям не их круга, – и жизнь их сложится прекрасно…

5

Электричество, хотя изучать его и начали, пожалуй, раньше пара, ворвалось в повседневную жизнь человека несколькими десятилетиями позже. И к электричеству также, несмотря на то, что оно окружало человека в дразнящей близости со всех сторон, люди были слепы в течение неисчислимых веков.

А ведь электричество требовало внимания к себе с ни с чем не сравнимой настойчивостью. Оно гремело над ухом человека, оно подавало ему сигналы ослепительными вспышками, иногда оно даже убивало его, а он тем не менее не считал, что это явление близко его касается и заслуживает хотя бы изучения. Электричество являлось в его дом, в любой сухой дом вместе с кошкой, и соблазнительно потрескивало, когда он ее гладил. Оно разрушало его металлы, когда он складывал их вместе… И все же до шестнадцатого века, насколько мы можем судить, никто ни разу не заинтересовался, почему кошачий мех потрескивает или почему волосы встают дыбом под щеткой в морозный день. Бесконечные годы человек, казалось, делал все, что в его силах, чтобы не замечать этих явлений, пока наконец к ним не обратился этот новый дух – дух Искания.

Как часто, наверно, многие явления наблюдались и забывались, как не заслуживающие внимания пустяки, прежде чем к ним обращался пытливый взгляд и наступал момент прозрения! Первым начал ломать голову над поведением кусочков янтаря, стекла, шелка и шеллака, если их потереть, Гилберт, придворный врач королевы Елизаветы, и с этих пор человеческий разум все быстрее начал постигать эту вездесущую энергию. Но и после этого в течение двухсот лет наука об электричестве оставалась небольшой группой любопытных фактов, связанных то ли с явлениями магнетизма (это была лишь ни на чем не основанная догадка), то ли с молнией. Вероятно, лягушачьи лапки висели на медных крючках, насаженных на железные прутья, и дергались на них бесчисленное количество раз, прежде чем их увидел Гальвани. Если не считать громоотвода, то прошло двести пятьдесят лет со времен Гилберта, прежде чем электричество перешло из кунсткамеры научных диковинок в жизнь простых людей… А затем внезапно, за пятьдесят лет, прошедших между 1880 и 1930 годом, оно вытеснило паровую машину и стало тяговой силой, оно вытеснило все другие формы отопления и уничтожило расстояние с помощью усовершенствованного беспроволочного телефона и телефотографа…

6

И не менее ста лет с начала научной революции человеческое сознание отчаянно сопротивлялось открытиям и изобретениям. Каждая новинка пробивала себе путь к практике через стену скептицизма, порой граничившего с враждебностью. Некий писатель, занимавшийся этими темами, сообщает о забавном семейном разговоре, который, по его словам, произошел в 1898 году, другими словами, всего за десять лет до того времени, как первые авиаторы начали уверенно покорять воздух. Он сидел за письменным столом в своем кабинете и беседовал со своим маленьким сыном.

Его сын был очень расстроен. Он чувствовал, что должен серьезно поговорить с отцом, но, будучи добрым маленьким мальчиком, не хотел обойтись с ним слишком сурово.

Вот их разговор.

– Папа, – сказал мальчик, переходя к делу. – Может быть, ты не будешь писать всей этой чепухи про полеты? Ребята меня дразнят.

– Да? – сказал его отец.

– И старик Бруми… ну… директор тоже смеется надо мной. Мне проходу не дают.

– Но ведь полеты начнутся – и очень скоро.

Маленький мальчик был слишком хорошо воспитан, чтобы высказать вслух то, что он подумал.

– Все равно, – повторил он, – лучше бы ты об этом не писал.

– Ты будешь летать – и много раз в своей жизни, – заверил его отец.

Мальчик насупился с несчастным видом.

Отец помедлил в нерешительности. Потом он открыл ящик и вытащил нерезкий, недопроявленный фотографический снимок.

– Посмотри-ка, – сказал он.

Мальчик подошел к нему. На фотографии был виден ручей, лужайка за ним, несколько деревьев, а в воздухе – черный, похожий на карандаш предмет с плоскими крыльями по бокам. Это было первое изображение первого аппарата тяжелее воздуха, которому удалось удержаться над землей с помощью механической силы. Сбоку было написано: «И летим мы ввысь, ввысь, ввысь! – От С. Ленгли. Смитсоновский институт, Вашингтон».

Отец ждал, какое впечатление произведет на сына это доказательство.

– Ну, что? – спросил он.

– Это же только модель, – ответил мальчик, подумав.

– Сегодня модель, а завтра человек.

Мальчик несколько секунд колебался: уважение к отцу боролось с уважением к директору. Но в конце концов он стал на сторону того, кого искренне считал средоточием всех возможных знаний.

– А вот старик Бруми, – объявил он, – только вчера сказал в классе: «Человек никогда не полетит». Он говорит, что тот, кто хоть раз в жизни стрелял куропаток или фазанов на лету, никогда не поверит подобной чепухе…

И все же этому мальчику довелось не раз перелетать через Атлантический океан, а кроме того, издать воспоминания своего отца.

7

В последние годы девятнадцатого столетия считалось – чему мы находим многочисленные свидетельства в литературе того времени, – что человек, наконец успешно и к своей выгоде покорив пар, который ошпаривал его, и электричество, которое сверкало и гремело вокруг него в небе, добился изумительного и скорее всего завершающего триумфа своего разума и интеллектуального мужества. В некоторых из этих книг звучит мотив «Ныне отпущаеши».

«Все великие открытия уже сделаны, – писал Джеральд Браун в своем обзоре девятнадцатого столетия. – Нам остается лишь разрабатывать кое-какие детали». Дух искания все еще был редкостью в мире; система образования была несовершенна, неинтересна, схоластична, и образованность ценилась мало, – почти никто даже в эту эпоху не отдавал себе отчета, что Наука находилась лишь в самой зачаточной стадии и подлинно великие открытия еще даже не начались.

Никто, по-видимому, не опасался науки и возможностей, которые она открывала. А ведь к тому времени там, где прежде был лишь десяток искателей, теперь их было много тысяч, и на один зонд пытливой мысли, который в тысяча восьмисотом году исследовал то, что скрывалось за внешностью вещей и явлений, теперь их приходилось сотни. И уже химия, чуть ли не целый век удовлетворявшаяся своими атомами и молекулами, начала готовиться к следующему гигантскому шагу, которому предстояло революционизировать всю жизнь человека сверху донизу.

Чтобы понять, насколько несовершенна была наука той эпохи, достаточно напомнить историю открытия состава воздуха. Его состав был определен к концу восемнадцатого столетия Генри Кавендишем – чудаковатым гением и отшельником, человеком тайны, бестелесным интеллектом. Насколько это было в его силах, он идеально разрешил свою задачу. Он выделил все известные составные части воздуха с точностью поистине поразительной; он даже указал, что азот может содержать какие-то примеси. Химики всего мира более ста лет подтверждали полученные им результаты, его аппарат хранился в Лондоне как бесценная реликвия. Кавендиш стал, как говорили в те времена, «классиком», – и в то же время, сколько раз ни повторялся его эксперимент, в азоте неизменно скрывался еще один элемент – неуловимый аргон (вместе с ничтожным количеством гелия и следами других веществ – собственно говоря, со всеми теми данными, которые могли бы открыть перед химией двадцатого века совершенно новые пути), и каждый раз он ускользал незамеченным между профессорскими пальцами, повторявшими опыт Кавендиша.

Нужно ли удивляться, что при таких огромных допусках научные открытия до самого начала двадцатого века по-прежнему оставались скорее цепью счастливых случайностей, чем систематическим покорением природы?

И все же дух искания все больше и больше распространялся по земле. Даже школьный учитель не мог ему помешать. Если в девятнадцатом столетии тех, кто жаждал познать тайны природы, была всего лишь горстка, то теперь, в первые годы двадцатого века, в Европе, в Северной и Южной Америке, в Японии, в Китае и повсюду в мире их были уже мириады – тех, кто сумел преодолеть пределы интеллектуальной рутины и повседневной жизни.

И вот настал тысяча девятьсот десятый год – год, когда родители Холстена, которого впоследствии целое поколение ученых называло «величайшим химиком Европы», сняли на сезон виллу вблизи Санто Доминико, между Фьезоле и Флоренцией. Ему тогда было только пятнадцать лет, но он уже приобрел известность как математик и был одержим яростной жаждой познавать. Его особенно влекла тайна фосфоресценции, которая как будто не имела никакой связи с любыми другими источниками света. Впоследствии в своих воспоминаниях Холстен рассказал, как он следил за танцем светляков среди темных деревьев в саду виллы под теплыми

бархатными небесами Италии; как он ловил их и держал в банках, а потом, предварительно изучив общую анатомию насекомых, начал их вскрывать; и как он попробовал воздействовать различными газами и температурами на их свечение. А затем случайно подаренная ему прелестная научная игрушка, изобретенная сэром Уильямом Круксом, – игрушка, называемая спинтарископом, в которой под воздействием частиц радия светится сернистый цинк, – заставила его задуматься над возможной связью между этими двумя явлениями. Это была счастливая мысль, и она очень помогла ему в его исследованиях. И очень редким и счастливым стечением обстоятельств можно считать тот факт, что эти любопытные явления привлекли внимание именно талантливого математика.

8

А в то время, когда Холстен размышлял над своими светляками во Фьезоле, некий профессор физики по фамилии Рафис читал в Эдинбурге цикл вечерних лекций о радии и радиоактивности. Эти лекции привлекали большое количество слушателей. Профессор читал их в маленьком лектории, в котором с каждым вечером становилось все теснее. На последней лекции все скамьи были битком набиты до самого последнего ряда, но даже те, кто стоял в проходах, забывали об усталости – так захватили их гипотезы, которые излагал профессор. Но особенно заворожен был один слушатель – круглоголовый вихрастый молодой горец: он сидел, обхватив колени большими красными лапищами, и впитывал каждое слово. Глаза его сияли, щеки раскраснелись, уши горели.

– Таким образом, – говорил профессор, – мы видим, что радий, который сперва представлялся нелепым исключением, безумным извращением, казалось бы, наиболее твердо установленных принципов строения материи, на самом деле обладает теми же свойствами, что и другие элементы. Просто в нем бурно и явно происходят процессы, которые, возможно, свойственны остальным элементам, но протекают в них крайне медленно и потому незаметно. Так возглас одного человека выдает во мраке бесшумное дыхание множеств. Радий представляет собой элемент, который разрушается и распадается. Но, быть может, все элементы претерпевают те же изменения, только с менее заметной скоростью. Это, несомненно, относится к урану, и к торию – веществу этой раскаленной газовой мантии, и к актинию. Я чувствую, что мы лишь начинаем длинный список. И нам уже известно, что атом, который прежде мы считали мельчайшей частицей вещества, твердой и непроницаемой, неделимой и… безжизненной… да, безжизненной!.. на самом деле является резервуаром огромной энергии. Вот каковы удивительные результаты этих исследований. Совсем недавно мы считали атом тем же, чем мы считаем кирпичи, – простейшим строительным материалом. Исходной формой материи, единообразной массой безжизненного вещества. И вдруг эти кирпичи оказываются сундуками, сундуками с сокровищами, сундуками, полными самой могучей энергии. В этой бутылочке содержится около пинты окиси урана; другими словами, около четырнадцати унций элемента урана. Стоит она примерно двадцать шиллингов. И в этой же бутылочке, уважаемые дамы и господа, в атомах этой бутылочки дремлет по меньшей мере столько же энергии, сколько мы могли бы получить, сжигая сто шестьдесят тонн угля. Короче говоря, если бы я мог мгновенно высвободить сейчас вот тут всю эту энергию, от нас и от всего, что нас окружает, осталась бы пыль; если бы я мог обратить эту энергию на освещение нашего города, Эдинбург сиял бы яркими огнями целую неделю. Но в настоящее время никто еще не знает, никто даже не догадывается, каким образом можно заставить эту горстку вещества ускорить отдачу заключенных в ней запасов энергии. Она и отдает их, но тоненькой, тоненькой струйкой. Уран очень медленно превращается в радий, радий превращается в газ, называемый эманацией радия, а это вещество – в то, которое мы называем «радий А». И этот процесс продолжается непрерывно с потерей энергии на каждом этапе, до тех пор, пока мы не достигнем последнего этапа, которым, насколько мы можем в настоящий момент судить, является свинец. Но ускорить этот процесс мы не в силах.

– Понятно, – шептал про себя вихрастый юноша, и его красные руки стискивали колени, словно тиски. – Понятно. Ну, дальше! Дальше!

Помолчав, профессор продолжал.

– Почему это изменение является постепенным? – спросил он. – Почему в каждую данную секунду распадается лишь крохотная частица радия? Почему он выделяет эти частицы так медленно и так точно? Почему весь уран разом не превратится в радий, а весь радий – в сле-

дующее вещество? Почему этот распад идет по каплям? Почему эти элементы не распадаются целиком?.. Предположим, в скором времени мы найдем способ ускорить этот распад.

Вихрастый юноша энергично закивал. Сейчас он услышит чудесный, неизбежный вывод. Он подтянул колени к самому подбородку и от волнения заерзал на сиденье.

– Почему бы и нет? – прошептал он. – Почему бы и нет?

Профессор поднял указательный палец.

– Подумайте, – сказал он, – какие возможности откроются перед нами, если мы его найдем! Мы не только сможем использовать уран и торий; мы не только станем обладателями источника энергии настолько могучей, что человек сможет унести в горсти то количество вещества, которого будет достаточно, чтобы освещать город в течение года, уничтожить эскадру броненосцев или питать машины гигантского пассажирского парохода на всем его пути через Атлантический океан. Но мы, кроме того, обретем ключ, который позволит нам наконец ускорить процесс распада во всех других элементах, где он пока настолько медлителен, что даже самые точные наши инструменты не могут его уловить. Любой кусочек твердой материи стал бы резервуаром концентрированной силы. Вы понимаете, уважаемые дамы и господа, что все это означало бы для нас?

Вихрастая голова закивала.

– Дальше! Дальше!

– Это означало бы такое изменение условий человеческой жизни, которое я могу сравнить только с открытием огня – первым открытием, поднявшим человека над зверем. Сейчас радиоактивность для нас абсолютно то же, чем был огонь для нашего предка прежде, чем он научился его добывать. Тогда он знал огонь, как нечто непонятное, абсолютно не поддающееся его контролю: ослепительное сияние на гребне вулкана, красная гибель, пожирающая лес. Примерно столько же мы сейчас знаем о радиоактивности. И сейчас… сейчас занимается заря нового дня в жизни человечества. В момент, критический для нашей цивилизации, зародившейся в кремневых орудиях и палочках для добывания огня, именно в тот момент, когда стало ясно, что современные источники энергии оказываются недостаточными для удовлетворения наших постоянно возрастающих потребностей, мы внезапно открываем возможность возникновения абсолютно новой цивилизации. Оказывается, что энергия, от которой зависит самое наше существование и которой до сих пор природа снабжала нас так скудно, на самом деле заперта повсюду вокруг нас в непостижимых количествах. Пока еще мы не в силах сломать этот замок, но… – Он сделал паузу и понизил голос так, что все наклонились вперед, боясь не расслышать. – Но мы его сломаем!

Он вновь поднял свой худой палец.

– И тогда… – сказал он. – Тогда эта вечная борьба за существование, эта вечная борьба за то, чтобы как-то прожить на те скудные подачки энергии, которые уделяет нам природа, перестанет быть уделом Человека. С вершины нашей цивилизации Человек сделает шаг к началу цивилизации, следующей за ней. У меня не хватает слов, уважаемые дамы и господа, чтобы описать вам материальную судьбу человека, прозреваемую мною в будущем. Я вижу преображение гигантских пустынь, вижу полюсы, освобожденные от льда, вижу весь мир, вновь превращенный в Эдем. Я вижу, как мощь человека достигает звезд…

Он внезапно умолк, и этой ошеломительной паузе мог бы позавидовать любой актер или оратор.

Лекция кончилась, слушатели несколько секунд хранили молчание, потом перевели дух, заговорили, зашевелились, поднялись с мест и начали расходиться. В зале зажглись лампы, и то, что прежде представлялось смутной массой неподвижных фигур, превратилось теперь в ярко освещенный хаос движения. Кто-то махал знакомым, кто-то пробивался к эстраде, чтобы получше рассмотреть аппараты лектора и срисовать его диаграммы. Но круглоголовый вихрастый юноша не хотел так быстро избавиться от обуревавших его удивительных мыслей. Он

хотел остаться с ними наедине. Он с какой-то яростью проталкивался к выходу, весь ощетинившись, опасаясь, что кто-нибудь заговорит с ним и нарушит это ослепительное состояние восторга.

Он шел по улице, и на лице его был написан экстаз, как у святого, которому было дано узреть видение. У него были очень длинные руки и до нелепости большие ступни.

Ему нужно было остаться одному, уйти куда-нибудь, где можно будет не опасаться, что волны обыденности захлестнут его.

Он поднялся на вершину Кресла Артура и долго сидел там, залитый закатным золотом, застыв в неподвижности, и только губы его порой шевелились, когда он повторял про себя какую-нибудь из драгоценных, запавших в его душу фраз.

– Если бы, – прошептал он, – если бы только мы могли сломать этот замок.

Солнце спускалось за дальние холмы. Оно уже лишилось своих лучей и превратилось в багрово-золотой шар, повисший над грядой черных туч, которые должны были вскоре поглотить его.

Юноша глубоко вздохнул, вдруг очнулся от своего забытья и увидел прямо перед собой красный солнечный диск. Несколько секунд он смотрел на него, словно не понимая, что это такое, а в его взгляде появлялось все большее и большее напряжение. В его мозгу возникла мысль, как странное эхо, повторявшая фантазию праотцов – фантазию первобытного дикаря, чьи кости двести тысяч лет тому назад превратились в прах и развеялись без следа.

– У, ты, древний, – сказал он. Глаза его сияли, и он жадно потянулся рукой к пылающему диску. – Ты, красный… Мы тебя еще схватим.

Часть первая
Новый источник энергии

1

Проблема, над которой еще в самом начале XX века работали такие ученые, как Рамсей, Резерфорд и Содди, – проблема вызывания радиоактивного распада тяжелых элементов, который открыл бы доступ к внутренней энергии атома, – была благодаря редкому сочетанию научного мышления, интуиции и счастливой случайности разрешена Холстеном уже в 1933 году. Между тем годом, когда радиоактивность была впервые обнаружена, и ее первым практическим применением прошло немногим более четверти века. Впрочем, в течение последующих двадцати лет всяческие второстепенные трудности мешали использовать открытие Холстена в широких практических целях. Однако главное было совершено – в этом году был преодолен новый рубеж на пути прогресса человечества. Холстен вызвал атомный распад в крохотной частице висмута; произошел сильнейший взрыв, в результате которого получился тяжелый газ с чрезвычайно высокой радиоактивностью – за неделю он распался, в свою очередь, и Холстену потребовался еще год, чтобы наглядно продемонстрировать, что конечным результатом этого распада является золото. Но главное было сделано – ценой ожога на груди и сломанного пальца, – и с той секунды, когда невидимая частичка висмута превратилась в сгусток разрушительной энергии, Холстен уже знал, что он открыл человечеству путь – пусть еще узкий, извилистый и темный – к безграничному, неисчерпаемому могуществу. Именно это он записал в том странном дневнике-биографии, который после него остался, в дневнике, который до этого дня заключал в себе лишь бесчисленные гипотезы и выкладки, а теперь вдруг на краткий промежуток времени стал изумительно точным и верным зеркалом глубоко человечных эмоций и переживаний, доступных пониманию всех людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.